JEL: L10, Q38, R50
УДК 332.1, 338.2

<https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068-090>

Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант

Н.В. Ломакина

Ломакина Наталья Валентиновна
доктор экономических наук, доцент
главный научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, 680042, Российская Федерация
E-mail: lomakina@ecrin.ru
ORCID: 0000-0003-3490-5775

Аннотация. Исследованы практика и формирующиеся результаты инструментов государственного стимулирования инвестиционной активности, реализуемых в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока России. Показаны особенности реализации в ресурсном регионе инструментов локализации инвестиций – преференциальных режимов территорий опережающего развития, а также экстерриториальных преференций – прямых субсидий из федерального бюджета в инфраструктурные объекты стратегически важных для региона инвестиционных проектов и региональных инвестиционных проектов. Результаты реализации этих инструментов в Дальневосточном федеральном округе в 2014–2020 гг. демонстрируют, что сформированный пакет государственных мер привлечения инвестиций и его отдельные элементы (льготы по НДС, критерий максимизации частных инвестиций на рубль бюджетных и др.) стимулировали преобладание инвестиций в добычу полезных ископаемых в их общем объеме по всем рассмотренным инструментам поддержки. Результатом действия этих преференций стал дальнейший рост сырьевых отраслей в структуре экономики Дальнего Востока (что в определенной мере проектирует и перспективную структуру экономики макрорегиона). При этом анализ нормы накопления (доли инвестиций в ВРП) как фактора экономического роста показал, что в большинстве дальневосточных субъектов РФ (кроме моносырьевых Сахалинской и Магаданской областей, Чукотского автономного округа) не подтверждается роль сырьевых отраслей как ключевых драйверов экономического роста, что оправдывало бы применение государственных преференций именно в добыче ресурсов. Выявлены и определенные модификации в самих инструментах государственного стимулирования, реализуемых в рамках «новой модели» развития на Дальнем Востоке, в числе которых: «размывание» границ преференциальных территорий для легитимизации льгот сырьевым компаниям; изменение (снижение) роли региональных органов управления при реализации отдельных инструментов; формирование «многослойных»

льгот в интересах сырьевых компаний. Показано, что в исследуемом контуре взаимодействия ключевых акторов при реализации отдельных инструментов «новой модели» развития Дальнего Востока (федеральных и региональных органов управления, бизнеса) все более проявляется тенденция к формированию основных результатов преференций в сырьевых компаниях.

Ключевые слова: государственная региональная политика, преференциальные режимы, стимулирование инвестиционной активности, ресурсный регион, Дальневосточный макрорегион

Для цитирования: Ломакина Н.В. Государственное стимулирование инвестиционной активности в ресурсном регионе: дальневосточный вариант // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 68–90. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068-090>

State Incentivizing of Investment Activity in the Resource Region: Far East of Russia Variant

N.V. Lomakina

Natalia Valentinovna Lomakina

Doctor of Economics, Assistant Professor

Chief Researcher

Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation

E-mail: lomakina@ecrin.ru

ORCID 0000-0003-3490-5775

Abstract. The authors studied the actual policies and emerging effects of state incentivizing of investment activity instruments under the ‘new model’ of development for the Far East of Russia. There were shown the specifics of localizing investments in the resource region in shape of preferential regimes of Territories of Advanced Social and Economic Development (TAD or ASEZ Advanced Special Economic Zones) and also extraterritorial preferences as direct subsidies from the federal budget to infrastructure projects of strategically important investment projects and regional investment projects. The effects of these instruments employed in the Far Eastern Federal District in 2014–2020 demonstrate that the package of state measures formed for attracting investments and its separate elements (royalty benefits, the criterion of maximum attraction of private investments for every rouble of budget ones, etc.) have promoted investments mainly in extraction of minerals in the total surveyed range of support instruments. The outcome of these preferences was further growth of resource-based industries in the Far East economy structure (which to a certain extent predetermines the perspective economy structure of the macro region). The analysis of the rate of accumulation (a share of investments in the regional Gross Domestic Product) as a factor of economic growth showed that the majority of Far Eastern regions (except the mono-mineral Sakhalinskaya and Magadanskaya oblasts and the Chukotsky Autonomous Okrug) do not reassert the role of resource-based industries as key drivers for their economic

growth which would have justified state incentives for extraction of mineral resources in particular. Certain modifications have been revealed in the very instruments of state incentives under the 'new model' of development in the Far East of Russia among which is a blurring of border lines between preferential territories to legitimize incentivizing of mineral companies; a changed (reduced) role of regional authorities in implementation of different instruments; forming 'multi-layer' preferences in the interest of mineral companies. It was demonstrated that in the surveyed contour of key actors interacting in the process of implementing different instruments of a 'new model' for development of the Far East of Russia (federal and regional administration, businesses) with greater vividness comes to the fore a tendency for shaping key outcomes of preferences in mineral companies.

Keywords: state regional policy, preferential regimes, incentivizing investment activity, resource region, Far Eastern macro region

For citation: Lomakina N.V. State Incentivizing of Investment Activity in the Resource Region: Far East of Russia Variant. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 68–90. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.4.068-090> (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Набор инструментов государственного стимулирования инвестиционной активности достаточно широк, выбор конкретных вариантов определяется целями стимулирования: развитием отдельных отраслей, территорий либо решением определенных задач (например, рост инновационной активности). В данной статье рассматриваются инструменты государственного стимулирования инвестиционной активности, реализуемые с 2014 г. в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока. К ним относятся инструменты локализации инвестиций – преференциальные режимы территорий опережающего развития (ТОР), а также экстерриториальные инструменты – прямые субсидии из федерального бюджета в инфраструктурные объекты стратегически важных для региона инвестиционных проектов и региональные инвестиционные проекты (РИП).

Можно предположить, что целями реализации рассматриваемых инструментов являются не только рост инвестиций в региональную экономику, но и ее диверсификация. Косвенным подтверждением этого может служить попытка продемонстрировать новые ориентиры и соответствующие им целевые задачи развития макрорегиона в принимаемых после 2014 г. документах федерального уровня (стратегии, государственные программы). Традиционно ключевыми ориентирами государственных программ развития экономики Дальнего Востока были ресурсные отрасли (прежде всего минерально-сырьевой, а также лесной и рыбохозяйственный комплексы) и их модернизация. Это находило отражение в целевой области стратегических государственных документов, в структуре и финансировании отрасле-

вых подпрограмм – например, госпрограмма развития Дальнего Востока до 2025 г. (Государственная..., 2013).

Для принимаемых в период 2014–2019 гг. государственных программ и стратегий стало характерно отсутствие отраслевого среза макрорегиональной экономики как в целевой, так и в финансово-организационной областях. Ключевые сферы, индикаторы, мероприятия и проектируемые результаты оказались сфокусированы преимущественно в институциональной области – например, в одной из последних редакций актуализированной госпрограммы (Государственная..., 2014). Такой подход реализуется и в последней по времени программе, провозгласившей целью «создание на Дальнем Востоке глобально конкурентоспособных условий инвестирования и ведения бизнеса» (Национальная..., 2020, с. 5). Не только сами программы, но и сформированная для их реализации нормативно-правовая база (48 новых федеральных законов и более 230 нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации) свидетельствуют о долговременной ориентированности.

Оценки результативности предусмотренных в государственной политике инструментов стимулирования регионального развития, очевидно, преждевременны и могут быть в лучшем случае предварительными, так как обычно «...формирование и настройка только нормативной базы занимает до 8–10 лет, а эффект от преференциальных режимов наступает минимум после 15 лет с момента их создания» (Национальная..., 2020, с. 9). Но «настройка» новых режимов все-таки предполагает обязательный промежуточный анализ как самой системы инструментов, так и откликов на их имплементацию отраслевой и пространственной структуры региональной экономики. Тем более, что уже сформировался список таких вопросов: 1) появляются ли стимулы изменения преимущественно сырьевой направленности дальневосточной экономики; 2) соответствуют ли реальные результаты заявленным целям и запущенным преференциальным режимам; 3) что оказывается «сильнее» – институциональные решения или реальная конкурентоспособность сырьевых отраслей, определяющих структуру экономики большинства дальневосточных регионов.

Притом, что с конца 2018 г. в состав Дальневосточного федерального округа¹ (ДФО) входят 11 субъектов РФ (О внесении..., 2018), в статье анализируются ситуации и приводятся различные показатели преимущественно

¹ Здесь и далее в качестве синонимов используются термины «Дальневосточный федеральный округ», «Дальневосточный макрорегион», «Дальний Восток», «макрорегион». При использовании термина «регион» имеется в виду уровень субъекта РФ. Термин «ресурсный регион» в рамках статьи применяется для обозначения преимущественно ресурсной (сырьевой) специализации экономики регионов вне зависимости от их территориальной иерархии (регион – макрорегион).

по девяти субъектам РФ (без Республики Бурятия и Забайкальского края). Выбор такого объекта исследования обусловлен предметом самой статьи – оценка отдельных результатов преференциальных режимов, реализуемых в Дальневосточном макрорегионе, в период 2014–2020 гг. Для упомянутых новых дальневосточных территорий эти режимы лишь начали действовать, хотя определенная схожесть в формирующихся тенденциях уже просматривается.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ

Одним из уже хорошо известных инструментов стимулирования инвестиционной активности, в том числе и для регионального развития, являются особые экономические зоны (ОЭЗ). Исследованию теоретических вопросов их формирования, особенностей и результатов реализации (как в зарубежной, так и в российской практике) посвящено уже немало работ. Дальневосточные варианты этого инструмента локализации инвестиций представлены в формах территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР, ТОР) и Свободного порта Владивосток (СПВ). При этом, несмотря на различия с другими формами таких инструментов федеральной поддержки локализации инвестиций, ключевые меры для всех сводятся к трем составляющим: «обеспечение инфраструктурой, снижение платежей в бюджет (льготы по налогам, таможенным платежам, страховым взносам) и хотя бы частичное решение проблем с административными барьерами» (Кузнецова, 2016, с. 114). Эффективность (или как минимум результативность) реализации этого инструмента для локализации инвестиций на Дальнем Востоке оценивается экспертами преимущественно на качественном уровне (Авдеев, 2017; Исаев, 2017; Леонов, 2017 и др.), но предпринимаются попытки получения и количественных оценок (Латкин, Харченкова, 2019).

Наибольшие трудности в анализе создает неопределенность с измерителем (измерителями) результатов использования применяемых институтов. Очевидно, что некоего унифицированного измерителя скорее всего не существует в связи с различием целей, преследуемых имплементацией одного и того же инструмента или их совокупности.

В частности, при оценке востребованности применяемых инструментов поддержки инвестиций среди инвесторов предлагается использовать максимально простой, а потому и надежный показатель – количество привлеченных резидентов ОЭЗ (Кузнецова, 2016). С этим можно согласиться в том случае, если целью создания ОЭЗ является только привлечение инвестиций. Если же само привлечение инвестиций является не целью, а лишь способом реализации государственной политики регионального развития, то вряд ли

показатель «количество резидентов (инвестпроектов)» следует отнести к измерителю эффективности инструмента.

Результативность структурного дрейфа предлагается измерять на основе анализа отраслевой специализации предприятий. Подобный анализ для предприятий, введенных в действие к концу 2018 г. в ТОР Дальневосточного федерального округа, действительно отразил концентрацию инвестиционных проектов в обрабатывающей сфере, услугах, транспорте и логистике (до 65% в общей структуре). Но делать на этом основании далекоидущий вывод о том, что «ожидания от реализации новой политики в направлении преобразования территориально-отраслевой структуры хозяйства имеют шанс стать действительностью» (Мирзеханова, 2019), представляется преждевременным. Упомянутые виды деятельности составляют порядка 50% всей экономики ДФО (по стоимости ВРП), то есть выводы о «концентрации проектов» неубедительны. С позиций воздействия на структуру экономики, на наш взгляд, гораздо более реально отражает ситуацию не количество проектов, а структура инвестиций в проекты.

Хотя лишь около 25% общего числа заявленных в ТОР инвестиционных проектов относятся к проектам в природно-ресурсном секторе, доля объема инвестиций, реализуемых именно в сырьевых проектах, причем преимущественно в добыче полезных ископаемых, для всех ТОР в ДФО составляет более 80%. При этом в Республике Саха (Якутия) и Амурской области она приближается к 100%, в ЧАО и ЕАО порядка 85–90%, в Хабаровском и Приморском краях – 62–68% соответственно. Следовательно, к настоящему времени реализуемые в ТОР ДФО преференциальные меры обеспечивают сохранение и закрепление тенденции преобладания инвестиций в ресурсные проекты в общем объеме инвестиций в основной капитал (Ломакина, 2018).

Более того, с инициативами и интересами сырьевых компаний связаны происходящие и проектируемые изменения границ и конфигурации отдельных ТОР¹. Одним из примеров может быть развитие ТОР «Комсомольск» в Хабаровском крае, созданной в 2015 г. в составе трех площадок.

Ключевыми видами деятельности ТОР «Комсомольск» были заявлены металло- и деревообработка, пищевая промышленность, машиностроение, механообработка, туризм. При этом строились планы специализации этой ТОР на высокотехнологичной промышленности: «размещение и развитие на ее территории высокотехнологичных производств в сфере авиастроения – металлообработки, производства комплектующих, ориентированных на им-

¹ Федеральным законом «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (№ 473-ФЗ от 29.12.2014 г.) предусмотрены как различные масштабы их создания – от отдельных локальных зон до территорий субъектов РФ (ст. 3, п. 4), так и возможности изменения границ ТОР (ст. 3, п. 7).

портозамещение» (Исаев, 2017, с. 72). Но уже к 2018 г. количество площадок в составе этой ТОР возросло до восьми, а в число видов экономической деятельности, на которые могут быть распространены преференциальные режимы, включен ВЭД «Добыча металлических руд» (О создании..., 2015). На трех из четырех новых площадок предусмотрена реализация ресурсных проектов (два проекта по добыче и обогащению олова с совокупным объемом инвестиций 10,5 млрд руб. и проект по лесопереработке с объемом инвестиций 1,1 млрд руб.). В 2020 г. вновь обсуждается возможное расширение границ ТОР «Комсомольск» под перспективные проекты, среди которых в приоритете – минерально-сырьевые (строительство горно-обогатительного комбината на месторождении Малмыж, создание горно-обогатительной фабрики по переработке запасов хвостохранилища Солнечного ГОКа) (Границы..., 2020).

Характерно, что такие изменения в пользу сырьевой специализации происходят в Хабаровском крае, субъекте РФ с диверсифицированной структурой экономики, имеющем шансы быть в основе каркаса «южной дуги» в концепции «новой индустриализации» Дальнего Востока (Синтез..., 2011; Исаев, 2017).

В Чукотском автономном округе, экономика которого является преимущественно моносырьевой, в 2015 г. была создана ТОР «Беринговская» со специализацией на добыче полезных ископаемых, якорным проектом которой заявлена добыча угля. В 2019 г. в резиденты ТОР был включен проект освоения крупного Баимского медно-порфирового месторождения, инвестиции в который оцениваются в сумму 5,5 млрд долл., запуск запланирован на 2024 г. В первые десять лет выпуск должен составить 250 тыс. тонн меди в год и 400 тыс. унций (12,4 тонны) золота. При выходе на проектную мощность Баимский ГОК должен выпускать 476 тыс. тонн медного концентрата (148 тыс. тонн меди) и 276,5 тыс. унций (8,6 тонны) золота в год (Трутнев..., 2019). Для финансовой и институциональной поддержки этого проекта в 2019 г. были существенно расширены границы ТОР «Беринговская» с переименованием ее в ТОР «Чукотка» и увеличением общей площади до 26 млн га. Видимо, огромные размеры сформированной ТОР в сочетании с низкой степенью экономического освоения территорий определили и некую управленческую новацию: «Специфика ТОР “Чукотка” заключается в том, что передача всей ее территории управляющей компании не осуществляется, для резидентов не выделяются обособленные площадки. Деятельность резидентов осуществляется “точечно” на уже используемых ими участках или планируемых к использованию в границах ТОР “Чукотка”» (Фонд..., 2020). По сути, стимулирование локализации инвестиций замещается приемлемым способом легитимизации предоставления преференций.

Формируются преференциальные режимы с соответствующим набором «дальневосточных» льгот и на территориях Республики Бурятия и Забайкальского края, включенных в состав ДФО. При этом новые ТОР уже не только активно начали свою деятельность, но и обсуждаются возможности расширения их границ. Так, расширение границ ТОР «Забайкалье» обосновывается намерениями потенциальных инвесторов (6 компаний) с ожидаемым объемом инвестиций более 14 млрд руб. При этом более 93% инвестиций обсуждаемого пакета обеспечивают два сырьевых проекта – добыча на месторождениях Голевское и Железный кряж (Участники..., 2020).

Можно с большой долей уверенности предположить, что причинами происходящих изменений (расширение границ ТОР, добавление новых ВЭД, управленческие новации) становятся интересы сырьевых компаний. Это является признаком того, что формируется тенденция модификации «новой модели» развития Дальневосточного макрорегиона в пользу поддержки условий формирования сырьевой ренты, что должно закрепить сырьевой характер экономики региона. Эта тенденция, во-первых, в определенной степени нарушает сам принцип формирования ТОР (предоставление набора особых льгот на локальных территориях), «размывая» территории, что снижает эффективность этого инструмента (Леонов, 2017), во-вторых, акцентируя применение льгот преимущественно для сырьевых компаний, решает задачу прироста размеров инвестиций, но не обеспечивает диверсификацию дальневосточной экономики за счет снижения сырьевой составляющей.

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ

Сырьевые компании являются основными выгодоприобретателями и относительно других инструментов государственного стимулирования инвестиционной активности в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока. В частности, одним из наиболее востребованных инструментов такого рода является прямое субсидирование из федерального бюджета инфраструктурной составляющей ключевых инвестиционных проектов, имеющих стратегическое значение для региона. В качестве таких проектов признаются: 1) соответствующие целям стратегических документов; 2) предполагающие размер частных инвестиций не менее 1 млрд руб.; 3) требующие для своей реализации государственную поддержку в форме бюджетных инвестиций для создания или модернизации объектов инфраструктуры.

Механизм прямой государственной поддержки инвестпроектов для решения инфраструктурных проблем не связан с какими-либо отраслевыми приоритетами. Однако вышеуказанные явные и неявные критерии отбора

проектов для господдержки обусловили «минерально-сырьевой крен» этого механизма, так как именно добывающие проекты в сфере минерального сырья в условиях ДФО наиболее соответствуют «стратегическим целям» развития региона, но, главное, имеют максимальные значения сравнительной конкурентоспособности, как для частных инвесторов, так и для государства. Это становится очевидным при анализе реальных решений по имплементации этого механизма.

В 2015–2018 гг. из более чем 50 претендовавших на получение государственной поддержки таких проектов было отобрано 13, в том числе 8 в сфере добычи полезных ископаемых, для поддержки которых в 2015–2020 гг. были предусмотрены субсидии в размере 32,5 млрд руб., из которых более 29 млрд руб. – для поддержки минерально-сырьевых проектов. В начале 2020 г. эта сумма была увеличена более чем на 1,6 млрд руб., предназначенных для инфраструктурной поддержки еще двух минерально-сырьевых проектов – золоторудного месторождения Наседкино (Забайкальский край) и Правоурмийского оловорудного месторождения (Хабаровский край). То есть из общей субсидии в 34,1 млрд руб. почти 90% предназначено для поддержки инвестиционных проектов в минерально-сырьевом комплексе. Последний из упомянутых проектов – это еще и пример формирования тенденции к предоставлению «многослойных» преференций. В частности, для Правоурмийского месторождения, проект которого еще в 2018 г. включен в состав ТОР «Комсомольск», то есть пользуется всеми причитающимися для резидентов ТОР льготами, предусмотрено еще субсидирование строительства грунтовой автомобильной дороги (87,8 км от пос. Сулук) (Горно-обогатительное..., 2020).

Конечно, механизм прямого субсидирования имеет ряд позитивных следствий. Во-первых, для многих месторождений удастся сократить сроки освоения. Во-вторых, появляются перспективы освоения ряда новых месторождений, прилегающих к созданным инфраструктурным объектам. Это расширяет в том числе и возможности развития деятельности на Дальнем Востоке «юниорных» компаний. Единственным, но принципиально важным отрицательным следствием можно считать при этом стимулирование преимущественно роста добычи сырья, что оставляет «в тени» проекты наращивания ресурсной базы и перерабатывающих сегментов минерально-сырьевого комплекса и других отраслей промышленности.

Еще одним инструментом стимулирования инвестиционной активности вне специальных территорий является предоставление статуса «регионального инвестиционного проекта» (РИП). Ключевыми преференциями в рамках этого инструмента являются льготы по налогу на прибыль и НДС, поэтому минерально-сырьевые компании стали активными претендентами на их по-

лучение. Этот инструмент внедрен в макрорегионе с 2014 г. В 2014–2016 гг. предъявлялись жесткие требования к проектам, претендующим на включение в реестр РИП, а решения принимались региональными органами управления, в чьей исключительной компетенции было предоставление налоговых льгот инвесторам, что существенно усиливало региональное влияние на инвесторов (Кузнецова, 2016, с. 113). Это означало, что проектам в минерально-сырьевом комплексе было трудно получить преимущества по сравнению с иными отраслями и комплексами в деле приобретения статуса РИП.

Но в 2016 г. под давлением минерально-сырьевых компаний в процедуру формирования РИП на федеральном уровне были внесены существенные поправки: снижение финансового порога для входа (по объему инвестиций), изменение периода действия преференций (распространен на инвестиции, совершенные с 1 января 2013 г.), введение уведомительного порядка получения льготы. Это привело к потере управляемости процессами «выдачи» льгот на региональном уровне и росту неподконтрольных выпадающих доходов для бюджетов дальневосточных субъектов РФ, существенно зависящих от минерально-сырьевых компаний. При этом Министерство финансов РФ заявило о невозможности компенсации выпадающих доходов из-за льгот, предоставленных компаниям по добыче драгоценных металлов. Это было воспринято как системный отказ на федеральном уровне вообще от возмещения выпадающих доходов региональных бюджетов при включении проектов в области минерально-сырьевого комплекса в реестры РИП. Соответственно, региональные органы управления отдельных субъектов РФ стали отказываться от предоставления подобных преференций.

В ряде случаев регионы имеют основания для такой позиции. Так, в Чукотском автономном округе в настоящее время всего три крупных золотодобывающих компании формируют более половины объема собственных доходов региона. По оценке экспертов, ежегодные выпадающие доходы регионального бюджета только за счет преференций по РИП могут составить более 1 млрд руб. (от 50 до 70% всего НДПИ). Поэтому в 2018 г. в ЧАО была инициирована законодательная инициатива по его исключению из состава субъектов РФ, на территории которых при реализации РИП не требуется включения организации в реестр участников и, соответственно, согласования с региональными властями.

В Хабаровском крае, в структуре экономики которого ресурсные отрасли не являются доминирующими, в начале 2020 г. из перечня видов деятельности, на которые распространяется режим РИП, были исключены «Лесозаготовка», «Добыча и обогащение угля и антрацита», «Добыча металлургических руд», «Добыча прочих полезных ископаемых», «Производство драгоценных металлов».

В Республике Саха (Якутия) статус РИП имеют сейчас 15 компаний, из которых две занимаются добычей угля, а 13 – золота. По оценке регионального правительства, с 2014 г. выпадающие доходы бюджета Республики Саха (Якутия) из-за льгот по налогу на прибыль и НДС составили 12,7 млрд руб. Уменьшение доходов бюджета никак не компенсируется скрытыми эффектами, так как размер выпадающих доходов бюджета в ряде случаев превышает объем привлеченных инвестиций, а создаваемые в рамках инвестиционных проектов рабочие места заполняются за счет вахтовиков и, соответственно, не влияют на размер безработицы (Зайнуллин, 2020). Поэтому глава Республики Саха (Якутия) выступил с инициативой об ограничении получения статуса РИП для золотодобытчиков.

Вполне вероятно, что и другие дальневосточные регионы с высокой концентрацией компаний по добыче драгоценных металлов последуют этому примеру, так как отрицательные «эффекты» отмечаются повсеместно (Ломкина, 2018).

РЕСУРСЫ – АКТОРЫ – ИНСТИТУТЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Следует отметить, что сами по себе преференциальные режимы, составляющие во многом суть «новой модели» развития Дальнего Востока, не имеют какого-либо особого, «добавочного», эффекта с точки зрения притока инвестиций. Добыча полезных ископаемых всегда была, и последнее 10-летие является тому подтверждением, устойчивым драйвером инвестиционной активности в Дальневосточном регионе (Ломкина, 2018; Региональный..., 2019 и др.). В период реализации преференциальных режимов «новой модели» развития Дальнего Востока (2014–2020 гг.) эти тенденции только усилились (Antonova, Lomakina, 2020).

Увеличение объема инвестиций в расчете на одного занятого по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» (ВЭД ДПИ) экономики ДФО в 2010–2018 гг. составило 240%, притом что в остальной, «условной» экономике (без ВЭД ДПИ) такой рост составил только 145% (для экономики РФ в целом это соотношение выглядит как 206% и 189%) (табл. 1).

Конечно, следует учесть, что дефляторы по секторам экономики в этот период могли различаться. Это в некоторой степени может изменить сравнительную динамику по секторам, но не в состоянии существенно трансформировать общий вывод относительно того, что удельная капиталоемкость в секторе добычи полезных ископаемых Дальнего Востока значительно превышает таковую в секторе обрабатывающей промышленности и прочих

ресурсных секторах. То есть концентрация инвестиций в ВЭД ДПИ дальневосточной экономики происходит ускоренными темпами, причем скорость прироста после 2013 г. осталась практически такой же, как и до активации «новой политики».

Таблица 1

**Инвестиции на одного занятого в «условной» экономике
и в ВЭД ДПИ по дальневосточным регионам, тыс. руб. / чел.**

Table 1

**Investments per person employed in the economy, excluding the NACE's mining
and quarrying and by NACE's mining and quarrying of the Far Eastern regions**

Регион	«Условная» экономика (без учета ВЭД ДПИ)			ВЭД ДПИ		
	2010	2013	2018	2010	2013	2018
РФ	110,3	160,6	208,8	1307,2	1881,1	2697,4
ДФО	200,0	187,7	291,7	1457,2	2277,0	3483,2
Республика Саха (Якутия)	214,2	266,4	497,9	821,4	1734,6	3710,0
Камчатский край	188,3	176,1	233,8	538,2	1214,9	815,4
Приморский край	218,1	125,8	148,3	147,2	172,7	205,3
Хабаровский край	220,2	192,2	197,3	566,4	1328,5	865,1
Амурская область	180,9	234,3	634,3	737,2	730,7	990,0
Магаданская область	143,1	212,1	266,7	433,8	2142,3	2944,6
Сахалинская область	156,9	205,3	266,7	7583,3	10 102,6	14 753,5
Еврейская автономная область	150,9	164,6	253,5	7355,1	2089,3	582,1
Чукотский автономный округ	107,8	200,4	374,2	353,1	1192,2	1194,2

Источники: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. С. 497–551; Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. 2012–2013 / ФЦГС. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-04-1.htm (дата обращения: сентябрь 2020); Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. 2009–2010 / ФЦГС. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03-04-1.htm (дата обращения: сентябрь 2020); Национальные счета / ФЦГС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#> (дата обращения: сентябрь 2020).

Капиталовооруженность труда (инвестиции в основной капитал в расчете на одного занятого) в ВЭД ДПИ экономики ДФО в 2018 г. превышала аналогичный показатель для «условной» экономики в 11,9 раза. В 2010 г. это превышение составляло только 7,3 раза. Для российской экономики в целом эти показатели составляли 12,9 раза в 2018 г. и 11,8 раза в 2010 г. Следовательно, в ДФО насыщение инвестициями происходит преимущественно за счет добычи полезных ископаемых. И связано это не столько с различными предпочтениями для инвесторов, сколько с усиленной концентрацией инвестиций в рентогенерирующих секторах, то есть с усиленной эксплуатацией абсолютных экономических преимуществ региона. Институциональный режим может способствовать ускорению этого процесса, но не в состоянии

его ни затормозить, ни тем более создать. Скорее, как было показано выше, сами добывающие компании способны использовать в своих целях возможности, предоставляемые институциональными новациями, даже если последние были изначально предназначены для иных целей.

Для отдельных дальневосточных территорий эти соотношения существенно различаются, так как зависят от особенностей промышленной структуры. Наибольшее значение этого соотношения регистрируется в Сахалинской области, где основными реципиентами инвестиций является именно ВЭД ДПИ. Заметно уступают ей также специализированные на добыче полезных ископаемых экономики Магаданской области и Республики Саха (Якутия). Это отражает внутрисекторальное распределение инвестиционных ресурсов в пользу максимально продуктивных с точки зрения ренты отраслей, эксплуатирующих экспортные углеводородные ресурсы. Еврейская автономная область иллюстрирует значение, которое имеют «залповые инвестиции» в крупный проект по добыче и обогащению железорудных ресурсов, инвестиционная емкость которого существенно выше, чем удельные инвестиции в другие проекты на территории ЕАО (*рис.*).

Рис. Соотношение инвестиций на одного занятого в ВЭД ДПИ и в «условной» экономике, раз

Fig. Ratio of investments per person employed in the economy, excluding the NACE's mining and quarrying and by NACE's mining and quarrying of the Far Eastern regions, number of times

С учетом вышеизложенного можно предположить, что по мере увеличения доли ресурсного сектора в экономике ДФО значение собственно инвестиционных предпочтений как инструмента привлечения инвестиций в макрорегион будет неуклонно снижаться. Увеличение (как минимум постоянное появление новых) проектов добычи сырья и, соответственно, уве-

личение массы извлекаемой ренты будет замещать преференции как стимул прироста инвестиций в макрорегионе. С этой точки зрения реализация преференциальных режимов в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока (после 2013 г.) эту тенденцию не сможет изменить.

Именно такой процесс, процесс расширения поля деятельности для ресурсного сектора экономики, и наблюдается на Дальнем Востоке. В течение последнего десятилетия наблюдается устойчивый рост доли ВЭД ДПИ в структуре ВРП и промышленности (табл. 2). Скорость прироста доли ВЭД ДПИ в созданной добавленной стоимости на Дальнем Востоке вдвое превышает общую скорость по национальной экономике (9,5 п. п. против 4,4 п. п. в 2010–2018 гг.). Характерно, что эта тенденция не столь сильно проявилась в промышленности, где прирост доли видов деятельности по добыче полезных ископаемых составил 8,9 п. п. против 5,2 п. п. в целом по экономике России. Следовательно, сравнительная продуктивность ресурсов, концентрирующихся в сфере добычи полезных ископаемых, в терминах производства добавленной стоимости возрастает в регионе.

Таблица 2

Значение ВЭД ДПИ в экономике дальневосточных регионов

Table 2

Value of the NACE's mining and quarrying
in the economy of Far Eastern regions

Регион	Доля ВЭД ДПИ в структуре ВДС, %			Доля ВЭД ДПИ в структуре промышленности, %		
	2010	2013	2018	2010	2013	2018
РФ	10,4	10,8	14,8	21,6	22,7	26,8
ДФО	22,5	24,0	32,0	58,0	62,1	66,9
Республика Саха (Якутия)	40,1	42,9	51,5	77,4	81,3	88,8
Камчатский край	4,1	3,2	5,6	10,8	8,8	13,1
Приморский край	1,1	1,0	1,3	6,6	5,4	6,8
Хабаровский край	4,5	4,8	6,9	15,9	20,7	21,6
Амурская область	10,2	11,6	10,4	36,9	50,1	44,1
Магаданская область	20,6	17,2	38,1	72,7	77,1	85,3
Сахалинская область	59,3	61,4	71,0	90,4	92,3	92,4
Еврейская автономная область	0,3	0,8	10,1	4,6	5,5	47,6
Чукотский автономный округ	38,2	33,2	40,3	82,5	75,5	87,0

Источники: составлено по: Промышленное производство / ФСТС. 2020. URL: https://gks.ru/enterprise_industrial?print=1 (дата обращения: июнь 2020); официальные статистические публикации по соответствующим субъектам РФ / Хабаровскстат. Хабаровск, 2020. URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66941> (дата обращения: июль 2020); Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД-2007 (КДЭС Ред. 1.1) (2004–2015 гг.) / ФСТС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp2.html> (дата обращения: август 2020); Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред. 2) (2016–2018 гг.) / ФСТС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp3.html> (дата обращения: август 2020).

Это само по себе является объективным, хоть и неявным стимулом для перетока инвестиционных ресурсов именно в добычу полезных ископаемых региональной экономики, что подтверждает ранее высказанный тезис об инвариантности масштабов и направлений привлечения инвестиций в ресурсный сектор экономики по отношению к системе инвестиционных льгот.

Является ли наращивание инвестиций в секторе добычи полезных ископаемых значимым фактором экономического роста в целом для экономики регионов? Для ответа на этот вопрос рассмотрим формирование и динамику нормы накопления во взаимосвязи с характером экономической специализации территорий (табл. 3). Норму накопления будем трактовать в данном случае как долю инвестиций в основной капитал в ВРП соответствующего региона (Методика..., 2014). Рассмотрим период 2013–2018 гг., полагая, что 2013 г. характеризует стартовый («предреформенный») момент, а 2018 г. – условную точку отсчета ожидаемых результатов воздействия преференциальных режимов в макрорегионе. Будем рассматривать два варианта: 1) реальная экономика субъекта РФ и 2) «условная» экономика, с исключением ВЭД ДПИ из ВРП и инвестиций.

Таблица 3

Норма накопления, %

Table 3

Accumulation rate, %

Группировка регионов по характеру специализации экономики		Реальная экономика		«Условная» экономика (без учета ВЭД ДПИ)	
		2013	2018	2013	2018
Диверсифициро- ванная экономика	Приморский край	21,3	17,3	21,2	17,3
	Хабаровский край	30,1	20,2	28,2	20,3
Минерально-сырье- вая экономика	Республика Саха (Якутия)	34,0	37,2	35,9	42,4
	Амурская область	48,4	83,4	49,2	87,8
Моносырьевая экономика	Магаданская область	42,6	33,8	25,3	19,9
	Сахалинская область	26,2	19,5	22,1	21,0
	Чукотский автономный округ	28,8	22,2	18,6	21,9
Экономика с фор- мирующейся ми- нерально-сырьевой специализацией	Камчатский край	24,5	17,0	23,4	16,8
	Еврейская автономная область	37,3	27,8	31,0	32,0

Источники: рассчитано по: Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД-2007 (КДЭС Ред. 1.1) (2004–2015 гг.) / ФСГС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp2.html> (дата обращения: август 2020); Структура ВРП по отраслям экономики по ОКВЭД 2 (КДЭС Ред. 2) (2016–2018 гг.) / ФСГС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab-vrp3.html>. (дата обращения: август 2020); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. С. 476–477; Национальные счета / ФСГС. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts#> (дата обращения: сентябрь 2020).

Для диверсифицированных экономик Приморского и Хабаровского краев влияние инвестиций в сфере добычи полезных ископаемых практически неощутимо с точки зрения величины нормы накопления. Реализация стимулирующих пакетов в рамках «новой экономической политики» также не влияет на ситуацию в этих субъектах РФ (нормы накопления с 2013 по 2018 г. практически не изменились), хотя в Хабаровском крае доля ДПИ в структуре ВРП в этот период увеличивалась. В первом приближении можно предположить, что для диверсифицированных экономик, которые сформированы в этих субъектах РФ, вопрос специального стимулирования развития ресурсных отраслей в их сырьевом варианте (как это происходит сейчас в рамках «новой модели») вряд ли является актуальным.

Казалось бы, для Республики Саха (Якутия) и Амурской области, экономика которых традиционно специализируется на добыче полезных ископаемых, норма накопления должна была бы заметно снижаться в случае исключения из расчетов ВЭД ДПИ. Однако этого не происходит, напротив, норма накопления растет на 5,2 и 4,4 п. п. соответственно. Конечно, неправильным был бы вывод на основании этого сравнения о том, что инвестиции в добычу полезных ископаемых могут быть отрицательным фактором роста региональных экономик. Такого не может быть в экономиках, в которых доля добычи полезных ископаемых в структуре промышленности составляет порядка 80 и 50% (для Республики Саха (Якутия) и Амурской области, соответственно). Однако в этих субъектах РФ в 2018 г. уровень удельных инвестиций (на одного занятого) в «условной» экономике (без ВЭД ДПИ) значительно превышает как средний уровень этого показателя по ДФО, так и показатели практически по всем другим дальневосточным территориям (см. *табл. 1*), что отражает существенный потенциал несырьевой части экономики как фактора экономического роста в этих регионах. Во всяком случае, вышеизложенное дает основание утверждать, что и для регионов с потенциалом «прогрессирующей диверсификации» акцент в государственном стимулировании инвестиционной активности на добыче ресурсов является далеко не самой рациональной стратегией.

Для Магаданской и Сахалинской областей, а также Чукотского автономного округа, экономики которых характеризуются практически моносырьевой специализацией (добыча полезных ископаемых составляет от 85 до 92% стоимости промышленной продукции, а вклад этого вида деятельности в ВРП составляет от 40 до 70%) (см. *табл. 2*), исключение добычи полезных ископаемых из анализа приводит к снижению нормы накопления. То есть процессы накопления капитала аккумулированы именно в добыче полезных ископаемых, хотя норма накопления в этих субъектах РФ существенно ниже, чем для других дальневосточных территорий (см.

табл. 3). Это свидетельствует о ярко выраженной сравнительной продуктивности используемых в этих отраслях ресурсов, благодаря чему именно функционированием и развитием сектора добычи полезных ископаемых определяются возможности экономического роста этих территорий. Здесь в наиболее очевидной форме проявляется «голландская болезнь», то есть добыча полезных ископаемых практически «задавила» всю остальную региональную экономику, формируя ориентацию перспективного развития на ресурсные отрасли как источники экономического роста, блокируя доступ ресурсов (в том числе инвестиционных) к другим «центрам компетенции на территории» (Левин и др., 2019). В этом смысле высокий уровень обеспеченности эффективными природными ресурсами, являясь экзогенным фактором развития, трансформируется в эндогенный фактор торможения (Курбатова и др., 2019).

Выводом из этого обсуждения является констатация того, что и для моносырьевых регионов ДФО (причем в наиболее яркой форме) дрейф инструментов стимулирования инвестиций в пользу добычи полезных ископаемых является не просто неочевидной (как для ранее рассмотренных регионов), но и сомнительной стратегией.

Только для Камчатского края и Еврейской автономной области, в которых еще далеко не завершилось формирование минерально-сырьевой специализации экономик (проекты золотодобычи для Камчатки и добыча / обогащение железорудных ресурсов для ЕАО), пока невозможно сформулировать оценку эффективности смещения инвестиционных стимулов в пользу добывающих проектов в сфере полезных ископаемых.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ практики реализации отдельных инструментов государственного стимулирования в рамках «новой модели» развития Дальнего Востока выявляет ряд их модификаций, обусловленных преимущественно сырьевым характером экономики. В настоящей статье акцентировано внимание на следующих модификациях:

- «размывание» границ территорий локализованных преференциальных режимов (ТОР) как способ легитимизации льгот для сырьевых компаний;
- появление отрицательных «институциональных экстерналий» для региональной экономики в результате либерализации режима РИП в интересах сырьевых компаний;
- формирование «пакетов многомерных льгот» (например, преференции режима ТОР плюс прямые субсидии на инфраструктуру из федерального бюджета) для отдельных крупных сырьевых компаний.

По мнению автора, дело не только в особенностях базирующейся на эксплуатации природных ресурсов структуре региональной экономики, но и в активной лоббистской деятельности основных политико-экономических игроков, которые, опираясь на объективно сложившиеся тенденции сравнительной продуктивности факторов производства в ресурсных отраслях, формируют механизмы деформации институциональных проектов, «создавая спрос на определенные правила игры и активно участвуя в процессах их разработки и внедрения» (Курбатова и др., 2019). В результате своеобразного консенсуса между представителями федеральных и региональных органов управления, с одной стороны, и бизнеса, с другой, все более проявляется тенденция к «локализации» основных результатов предпочтений в сырьевых компаниях.

Исследование практики реализации некоторых инструментов государственного стимулирования инвестиционной активности (ТОР, РИП, бюджетного субсидирования инфраструктурных инвестиций) в рамках «новой модели» развития Дальневосточного федерального округа в 2014–2020 гг. демонстрирует активный отклик в ресурсной сфере, прежде всего – в добыче полезных ископаемых. Сформированный пакет государственных мер привлечения инвестиций и его отдельные элементы (льготы по НДС как «именной пригласительный билет», критерий максимизации частных инвестиций на рубль бюджетных) стимулировали преобладание инвестиций в сырьевые проекты в их общем объеме по всем рассмотренным инструментам поддержки. Результатом действия этих предпочтений стал дальнейший рост ресурсного сектора в структуре экономики Дальнего Востока (что в определенной мере проектирует и перспективную структуру экономики макрорегиона). При этом полученные оценки нормы накопления в большинстве дальневосточных субъектов РФ (кроме моносырьевых Сахалинской и Магаданской областей, Чукотского АО) не подтверждают роли сырьевых отраслей как ключевых драйверов экономического роста, что оправдывало бы применение государственных предпочтений именно в добыче полезных ископаемых.

Кроме закрепления тенденции роста инвестиций в ресурсный сектор выявлены и определенные модификации в самих инструментах стимулирования, реализуемых в рамках «новой модели» развития на Дальнем Востоке. В числе таких проявлений «размывание» предпочтительных территорий, изменение роли региональных органов управления при формировании предпочтений, формирование «многослойных» льгот в интересах сырьевых компаний. Такие модификации и проявления не являются чисто «дальневосточными», они отмечаются многими исследователями как характерные для современной российской практики взаимодействия государства и сырьевых

компаний в ресурсных регионах (Крюков, 2016; Ресурсные..., 2017; Левин и др., 2019; Пилясов, 2020).

Возможно, периодическая корректировка мер государственного стимулирования, необходимость которой наконец-то отражена в нормативном пространстве (Национальная..., 2020), будет содействовать превращению отдельных региональных инициатив в этом направлении в системное «сдерживание» дрейфа государственной региональной экономической политики в сторону институционального закрепления монополизации ресурсной ренты сырьевыми компаниями. Отдельные свидетельства такого пока еще бессистемного, но симптоматичного «сдерживания» приведены в настоящей статье. К ним относятся, в частности, обсуждение целесообразности использования конкретных форм и масштабов государственного финансирования инфраструктурных проектов для освоения Баимской рудной зоны на Чукотке, региональные инициативы по введению ограничений применения инструмента РИП в добыче драгметаллов и т. д.

Общим выводом является необходимость выработки как концептуальных, так и инструментальных оснований и механизмов концентрации государственных институциональных и, соответственно, финансово-экономических ресурсов на выполнении задачи *формирования комплекса высокотехнологичных отраслей на основе использования минеральных ресурсов Дальнего Востока*. Главной проблемой при формировании механизмов является при этом изменение «*точки приложения*» известных и уже отработанных мер и инструментов государственной промышленной политики. Наличие набора уже работающих преференциальных режимов и мер в рамках реализации «новой модели» развития региона является естественной «стартовой площадкой» для решения данной задачи. Консолидация стандартных мер промышленной политики с реализуемыми особыми преференциальными режимами и с учетом конкурентных особенностей (в данном случае имеется в виду минерально-сырьевой потенциал и его развитие) имеет шансы изменить «экономическое лицо» Дальневосточного макрорегиона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев Ю.А. Свободный порт Владивосток – за и против // ЭКО. 2017. Т. 47. № 2 (512). С. 5–26. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-2-5-26>
- Горно-обогатительное предприятие в ТОР «Комсомольск» получит субсидию на строительство инфраструктуры / Правительство Хабаровского края. 2020. 3 февраля. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/177286> (дата обращения: август 2020).
- Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»: утверждена постановлением Пра-

- вительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 (в ред. от 25 марта 2020 г.). URL: <http://pravo.garant.ru/document?id=70544078&byPara=1> (дата обращения: сентябрь 2020).
- Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»: утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р. URL: <http://base.garant.ru/70351168/> (дата обращения: сентябрь 2020).
- Границы ТОР «Комсомольск» планируют расширить под создание горно-обогаительного комбината / Правительство Хабаровского края. 2020. 5 сентября. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/179759> (дата обращения: сентябрь 2020).
- Зайнуллин Е. Регионы борются за каждую унцию: добычу золота лишают местных льгот // Коммерсантъ. 2020. 28 октября. № 198. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4549610?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (дата обращения: октябрь 2020).
- Исаев А.Г. Территории опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. Т. 47. № 4 (514). С. 61–77. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-4-61-77>
- Крюков В.А. Особенности национального управления минерально-сырьевыми и энергетическими ресурсами // ЭКО. 2016. Т. 46. № 4 (502). С. 24–43.
- Кузнецова О.В. О федеральной поддержке локализации инвестиций в России // Общество и экономика. 2016. № 11. С. 105–123.
- Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 3. С. 89–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
- Латкин А.П., Харченко Е.В. Инновационный подход к оценке эффективности функционирования территорий особого экономического статуса на Дальнем Востоке // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 381–384.
- Левин С.Н. Институциональная организация регионов ресурсного типа: политико-экономический подход // Институциональная трансформация экономики: ресурсы и институты (ИТЭРИ – 2019): мат-лы VI междунар. науч. конф. (Красноярск, 9–12 октября, 2019). Красноярск: СФУ, 2019. С. 73–74. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/iteri-2019/proceedings> (дата обращения: ноябрь 2019).
- Левин С.Н., Кислицын Д.В., Сурцева А.А. Институциональная организация регионов ресурсного типа в России: общая характеристика и структурные сдвиги в экономике // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11. № 4. С. 61–76. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076>
- Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. <https://doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067>
- Ломкина Н.В. Государственное стимулирование инвестиций в минерально-сырьевые проекты: дальневосточный вариант // Регионалистика. 2018. № 4. С. 14–23. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.14>
- Методика расчета показателей «доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте» и «доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации»: утверждена приказом Росстата от 30 января 2014 г. № 56. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158784 (дата обращения: сентябрь 2020).
- Мирзеханова З.Г. Территории опережающего развития российского Дальнего Востока: ожидания и действительность // Региональные проблемы. 2019. Т. 22. № 2. С. 55–61.

- Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/ (дата обращения: сентябрь 2020).
- О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849: Указ Президента РФ от 03 ноября 2018 г. № 632. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43719> (дата обращения: август 2020).
- О создании территории опережающего социально-экономического развития «Комсомольск»: постановление Правительства РФ от 25 июня 2015 г. № 628 (ред. от 15.05.2019). URL: <https://invest.khv.gov.ru> (дата обращения: октябрь 2020).
- Пилясов А.Н. Арктическая промышленная политика: не фонды и отрасли, а ресурсы и корпорации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1 (67). С. 41–58. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2020.67.004>
- Региональный мониторинг: Дальневосточный федеральный округ / под ред. О.М. Прокапало; Институт экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2019. 210 с.
- Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
- Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
- Трутнев: Мы будем делать все для реализации проекта освоения Баимки / Инвестиционный портал Чукотского автономного округа. 2019. 8 февраля. URL: <https://invest-chukotka.ru/news/trutnev-myi-budem-delat-vse-dlya-realizaczii-proekta-osvoeniya-baimki> (дата обращения: сентябрь 2020).
- Участники Набсовета обсудили перспективы расширения ТОР «Забайкалье» / Корпорация развития Дальнего Востока. 2020. 16 июля. URL: <https://erdc.ru/news/uchastniki-nabsoveta-obsudili-perspektivy-rasshireniya-tor-zabaykale/> (дата обращения: август 2020).
- Фонд развития Чукотки. URL: https://fond87.ru/?page_id=504&lang=ru (дата обращения: август 2020).
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional Innovations for the Development of the East of Russia: Effects of Implementation in the Resource Region // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 442–452. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0580>

REFERENCES

- About Creation of the Territory of Advanced Social and Economic Development 'Komsomolsk': Decree of the Government of the Russian Federation of June 25, 2015 No. 628 (Edition from 15.05.2019).* Available at: <https://invest.khv.gov.ru> (accessed October 2020). (In Russian).
- About Modification of the List of Federal Districts Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2000 No. 849: The Decree of the President of the Russian Federation of November 03, 2018 No. 632.* Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/43719> (accessed August 2020). (In Russian).
- Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional Innovations for the Development of the East of Russia: Effects of Implementation in the Resource Region. *Journal of Siberian Federal*

- University. Humanities & Social Sciences*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 442–452. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0580>
- Avdeev Yu.A. The Free Port of Vladivostok – Pros and Cons. *EKO = ECO Journal*, 2017, vol. 47, no. 2 (512). С. 5–26. (In Russian).
- Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO = ECO Journal*, 2017, vol. 47, no. 4 (514), pp. 61–77. (In Russian).
- Kryukov V.A. National Features of the Energy and Resources Management Systems. *EKO = ECO Journal*, 2016, vol. 46, no. 4 (502), pp. 24–43. (In Russian).
- Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. Resource-Type Regions in Russia: Definition and Classification. *Terra Economicus = Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no 3, pp. 89–106. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106> (In Russian).
- Kuznetsova O.V. About Federal Support for Investment Localization in Russia. *Obshchestvo i Ekonomika = Society and Economics*, 2016, no. 11, pp. 105–123. (In Russian).
- Latkin A.P., Kharchenkova E.V. Innovation Approach to the Assessment of the Territories with Special Economic Status Given by the Case of the Russian Far East. *Azimut Nauchnykh Issledovaniy: Ekonomika i Upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2019, vol. 8, no. 1 (26), pp. 381–384. (In Russian).
- Leonov S.N. Tools of the State Regional Policy in the Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2017, no. 2, pp. 41–67. <https://doi.org/10.14530/se.2017.2.041-067> (In Russian).
- Levin S.N. Institutional Organization of Resource-Type Regions: A Political and Economic Approach. *Institutional Transformation of the Economy: Resources and Institutes: Proceedings of the VI International Scientific Conference (Krasnoyarsk, October 9–12, 2019)*. Krasnoyarsk, 2019, pp. 73–74. Available at: <http://conf.sfu-kras.ru/iteri-2019/proceedings> (accessed November 2019). (In Russian).
- Levin S.N., Kislitsyn D.V., Surtseva A.A. Institutional Organization of Resource-Type Regions in Russia: General Description and Structural Shift in the Economy. *Journal of Institutional Studies*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 61–76. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.061-076> (In Russian).
- Lomakina N.V. Government Promotion of Investment in Mineral and Raw Materials Projects: Far Eastern Case. *Regionalistica [Regionalistics]*, 2018, no. 4, pp. 14–23. <https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.14> (In Russian).
- Members of the Supervisory Board Discussed the Prospects for Expanding the ASEZ 'Za-baikalie'*. Far East Development Corporation. 2020. 16 July. Available at: <https://erdc.ru/news/uchastniki-nabsoveta-obsudili-perspektivy-rasshireniya-tor-zabaykale/> (accessed August 2020). (In Russian).
- Methodology for Calculating the Indicators 'Share of Investment in Fixed Assets in the Gross Domestic Product' and 'Share of Investment in Fixed Assets in the Gross Regional Product of the Subject of the Russian Federation': Approved by Rosstat order No. 56 of January 30, 2014*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158784 (accessed September 2020). (In Russian).
- Mining and Processing Enterprise in the ASEZ 'Komsomolsk' will Receive a Subsidy for the Construction of Infrastructure*. Khabarovsk Territory Government, 2020, February 3. Available at: <https://www.khabkrai.ru/events/news/177286> (accessed August 2020). (In Russian).
- Mirzekhanova Z.G. Priority Development Areas of the Russian Far East: Expectations and Reality. *Regionalnye Problemy = Regional Problems*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 55–61. (In Russian).
- National Program of Socio-Economic Development of the Far East for the Period up to 2024 and for the Future up to 2035: Approved by Order of the Government of the Russian*

- Federation No. 2464-r of September 24, 2020.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/ (accessed September 2020). (In Russian).
- Pilyasov A.N. Arctic Industrial Policy: Not Assets and Branches, but Resources and Corporations. *Sever i Rynok: Formirovanie Ekonomicheskogo Poraydka = The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2020, no. 1 (67), pp. 41–58. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2020.67.004> (In Russian).
- Regional Monitoring: Far Eastern Federal District.* Edited by O.M. Prokapalo. Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2019, 210 p. (In Russian).
- Resource-Type Regions of Russia in the 'New Reality'.* Edited by V.V. Kuleshov. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, 2017, 308 p. (In Russian).
- State Program of the Russian Federation 'Socio-Economic Development of the Far Eastern Federal District': Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 308 of April 15, 2014 (in the Wording from March 25, 2020).* Available at: <http://pravo.garant.ru/document?id=70544078&byPara=1> (accessed September 2020). (In Russian).
- State Program of the Russian Federation 'Socio-Economic Development of the Far East and the Baikal Region': Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 466-r of March 29, 2013.* Available at: <http://base.garant.ru/70351168/> (accessed September 2020). (In Russian).
- The Boundaries of the ASEZ 'Komsomolsk' are Planned to be Expanded for the Creation of a Mining and Processing Plant.* Khabarovsk Territory Government, 2020, September 5. Available at: <https://www.khabkrai.ru/events/news/179759> (accessed September 2020). (In Russian).
- The Chukotka Development Fund.* Available at: https://fond87.ru/?page_id=504&lang=ru (accessed August 2020). (In Russian).
- The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050.* Edited by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Economic Research Institute. Vladivostok, 2011, 912 p. (In Russian).
- Trutnev: We will do Everything Possible to Implement the Baimka Development Project.* Investment portal of the Chukotka Autonomous Okrug, 2019, February 8. Available at: <https://invest-chukotka.ru/news/trutnev-myi-budem-delat-vse-dlya-realizaczii-proekta-osvoeniya-baimki> (accessed September 2020). (In Russian).
- Zaynullin E. Regions Struggle for Every Ounce: Gold Mining is Being Stripped of Local Benefits. *Kommersant* [Businessman], 2020, October 28, no. 198. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4549610?utm_source=newspaper&utm_medium=email&utm_campaign=newsletter (accessed October 2020). (In Russian).

Поступила в редакцию / Submitted: 22.09.2020

Принята к публикации / Revised: 25.11.2020

Опубликована online / Published online: 25.12.2020